

ВИРТУАЛЬНЫЙ ОРГАЗМ

Рассказы

МЕРТВЫЕ ДВОРНИКИ

Пальцы скользнули по линолеуму. Пустая бутылка с гулом откатилась к серванту. Телефон оказался под подушкой. Табло Вадика отпугнуло. Одиннадцать пропущенных звонков! Четыре неизвестных номера. И три звонка от Сергееича... Набирать номер Александра Сергеевича Вадик устранился. Голос покажется громким, озлобленным. Интонации зазвучат уничижительно. Лучше выпить граммов пятьдесят, а потом уже и объясниться. Но надежнее выпить сто граммов. Пятьдесят — добавляют уверенности. Сто грамм — помогут быть смелым, неустрашимым. И даже на какое-то время деятельным.

Пошатываясь, Вадим дошел до ванной комнаты. Зубная щетка больно впивалась в десны. Зажмурив глаза, Вадик, сплюнул на белизну раковины и ополоснул пунцовое лицо. Еще десять, максимум пятнадцать минут — и облегчение.

У подъезда, опершись на черенок метлы, стояла дворничиха тетя Клава. Год назад тетя Клава похоронила мужа. Он прошел войну, имел боевые награды. А еще — подаренный зажиточным кооператором протез, сделанный по специальному заказу в Германии. Последние годы служил военкомом и маниакально преследовал отказников. Иногда в состоянии тяжелого алкогольного врывался в квартиры и кричал. Кричал, что вокруг ренегаты, фашистские прихвостни, наркоманы, дезертиры и полицаи. Малолетней, но ранней потаскушке Регине из третьего подъезда орал с балкона, что во время войны он бы отослал ее в штрафбат. Грехи замаливать или болванки таскать на танковый завод. А еще дядя Игорь, или полковник Феофанов, рьяно болел за футбольный ЦСКА. Когда ЦСКА выигрывал, офицер добрел. Если любимая команда влетала, Феофанов буйствовал. Иногда поколачивал тетю Клаву. Бывало, вымещал злость на призывниках. Рассказывали, что после одного из проигрышей в военкомат явился юноша. Сам пришел, что уже редкость. Шею паренька обвивал красно-белый спартаковский шарфик.

— Так, значит, за «Спартак» болеешь? — спросил военком.

— Так точно, товарищ полковник: за родной московский «Спартак»! — отрапортовал будущий воин.

— На Дальнем Востоке будешь теперь болеть! И ангиной, и гриппом, и за родной московский «Спартак»! — заорал Феофанов. — Будешь в стройбате глотку свою рвать за родной московский «Спартак»! Сам станешь красно-белым от мороза, как твой шарфик!

Впрочем, красно-белым разок был и сам военком. Упился до белой горячки. Ковыляя, носился по двору. Песочницу детскую за окоп принял, просил, чтобы его прикрыли... Прикрыли в вытрезвитель. Но, разобравшись, отпустили с миром, поблагодарив за защиту Родины от немецко-фашистских захватчиков. А через пару месяцев полковник Феофанов отправился в мир иной. Поговаривали, что отравился. Не то консервами, не то водкой.

На похоронах плакали и стреляли в небо. Скандал небольшой произошел. Когда церемония прощания подходила к экватору, какой-то прапорщик заметил, что один венки в каноны траурной икебаны явно не вписывается. С одной стороны расправленной красно-белой ленты виднелась надпись: «Сладких снов, товарищ полковник!» С другой — в мир смотрел слоган: «Спартак чемпион!» Виновных искали, но вместо них нашли несколько непригодных к службе сутулых юношей в прыщах и красно-белых шарфиках...

Заметив Вадика, тетя Клава подбоченилась. Качая головой, произнесла:

— Э-э-х-х... Вадик... Ты глянь, на кого похож-то стал, а!

— На мужа вашего покойного перед уходом похож я стал. Просто вылитый, — вибрирующим голосом ответил Вадим.

— Вот-вот! Именно! Только он тебе в деды годился. Он войну, в отличие от тебя, прошел. Да и после нее много дел полезных сделал. А ты все в огонь, воду и медные трубы угодить норовишь.

— Я завтра исправлюсь. К Богу обращусь.

— Ты-то обратишься? Если его лик на этикетке водочной пропечатают, то вообще богоборцем станешь.

— Нет. В монастырь уйду. В женский, тетя Клава. Буду в кельях высокодуховных детишек строгать. С Библиями в руках будут свету являться. И не станут орать, как все новорожденные. А сразу нести проповедями своими в мир — доброе, светлое и вечное будут. Аминь, тетя Клава. И да будет в мире этом...

— Тыфу! Пошляк, богохульник!.. Слушай, Вадик. Погоди... Постой. Ну, ты же не такой, а?.. Я вот к тебе давно с просьбой хочу обратиться. Фото свое ни разу в газете не видела. За всю жизнь ни разу. Трудно тебе, а? Все равно ведь больше отдыхаешь, чем работаешь. А фото в газете... Знаешь, как приятно перед подругами похвастаться? Вот, мол, труженица. Ну?.. Ну, там, заметку приятную можешь ведь накропать? — с улыбкой произнесла женщина.

— Ну, можно вообще-то. Я подумаю, тетя Клава. Вернее, придумаю что-нибудь.

Подмигнув дворничихе, Вадик резвым шагом направился к дверям магазина.

Под потолком душного гастронома лениво барражировали мухи. В мясном отделе булькал засаленный радиоприемник с кривой антенной. Вид заветренной говядины вызвал у Вадика спазм. Батоны вареной колбасы напоминали отрубленные конечности. С отвращением поморщившись, он направился к вино-водочному. Вадика не нравилось, что отдел назывался именно вино-водочным. Казалось, покупателя провоцируют на убийственный коктейль из шамурлы и «Столичной». Полки радовали этикеточным многоцветьем. Вадим вспомнил алкоголика дядю. Его убило похмелье. Он, как раненный боец, дополз до магазина. А дяде сказали, что водку еще не завезли. Так на ступенях филиала храма Бахуса и отдал Богу душу.

Аккуратно уложив бутылку на дно пластиковой корзины, Вадик подошел к кассе. За аппаратом сидела Люда. Грудь девушки объемами напоминала пародийную. Табличка с именем не висела, а лежала на вздымающемся от дыхания бюсте. Запястья вырисовывали складочки трехлетней девочки-пышки. Вадим недолго любил Людмилу. Она криво улыбалась, хрюкала во время смеха, потешалась над своими шутками и напевала под нос песни Ротару.

— Вадик, а зачем тебе сухие супы? Ты в водке сухие супы варишь, да?

— Я ими оливье заправляю.

— И не надоело тебе глазенки заливать?

— Ты еще скажи: на кого, мол, ты, Вадик, стал похож?

— А чо говорить-то? На забуддыгу ты и похож. Интересный, умный вроде, а похож на алкаша.

— А ты выходи за меня замуж. Я пить брошу. Образует семейное гнездо, в которое ты каждый вечер будешь приземляться сизым вертолетом. Потом детишек нашинкуем. А они будут дарить нам мир. И будет в них сщ-щ-астье!

— Два сщ-щ-астья с тобой будет! Да и нашинкуешь с тобой разве что соломки морковной. У нас, наверное, просроченные бананы тверже твоей машинки шинковальной... — на этих словах Люда, прихрюкнув, залилась смехом.

— Знаешь, Людок... Тебя погубит пошлый юмор подворотен, запах из рыбного отдела и отсутствие стремления к карьерному росту. Иди в ПТУ и помни! Помни, что учиться никогда не поздно.

— Тоже мне, идиотик ученый. Я, между прочим, колледж закончила.

— Оно и видно. А колледж, то есть бывшее ПТУ, закончил тебя как женщину.

В спину коротко стрельнуло слово «урод». Вадик быстро вышел на улицу. Откупорив бутылку, сделал пару глотков. Солнце уже не резало глаза. Не копошилось в них своими острыми лучиками, а ласково светило. Листья не были пыльными и блеклыми. Пение птиц не нервировало... На скамейке у подъезда сидела тетя Клава. Руки женщины были распластаны по недавно выкрашенной спинке. Голова покоилась на левом плече. Тетя Клава дремала. Милая улыбка, чуть подрагивающие веки, дряблые щеки. С минуту посмотрев на соседку, Вадик вбежал в подъезд. Вернулся с фотоаппаратом. На детской площадке сублинный юноша угощал пивом свою первую любовь. Вадик подбежал к мальчишке:

— Юниор, срочно нужна помощь.

— Мелочи нет, — прогундосил мальчик.

— Зато синяк может появиться. Тоже мелочь, но неприятная. Пошли. Будем снимать высокохудожественное фото.

— Мама говорит, что я жутко не фотогеничен.

— Зато языкаст. Значит, смотри. Тихонько так подойди к скамейке. И как можно ближе к этой мирно спящей труженице. Густо намажь на лицо всю трагедию вашего утерянного для жизни поколения. Голову ручонками обхвати. Вот так, — Вадик показал, как нужно обхватывать голову свидетелям трагедии.

— И что взамен?

— Взамен? Слава взамен, известность! Увидишь свою худошавую мордашку в газете. Купишь экземпляров десять. Девушке один подаришь. Остальные — родне, хулиганью местному покажешь, чтобы не били. Давай, давай, юниор, торопись. Следующий раз тебя, если и пропечатают, так либо в боевом листке, либо в криминальной хронике. А это уже не слава, это суррогат.

Юноша достаточно правдоподобно хватался за голову, корчил рожи. Вадик ловил удачные ракурсы... Забежав в квартиру, вспомнил о купленной бутылке. Настроение, поднявшееся благодаря творческой удаче, стало

еще более приятным. Конечно же, Вадим вспомнил и о совести. Но денег у него практически не оставалось. Материала для статьи не было.

Опорожнив добрых полстакана, Вадим набрал номер Александра Сергеевича. Первым начал говорить главред:

— Вадик, ты мне что обещал? Ты мне обещал материал: «бомбу» о «черных копателях» с каких-то плодоносящих трофеями болот. С фотографиями обещал. С интервью главного «черного копателя». И с интригой, которую можно растянуть на три номера. И где этот материал?

— Сорвалось с копателями, Александр Сергеевич. Они какое-то разрешение не получили. Вот мы и не поехали.

— Вадик, ты, насколько я могу судить по голосу, трезв. Ну, или успел опохмелиться. Но, может, я и ошибаюсь. Может, ты вообще не пил. Так какого же рожна ты несешь ахиною? С какими копателями ты хотел делать байку?

— Я же говорил, с какими. С «черными», Александр Сергеевич.

— Так зачем же им разрешение, если они «черные»?

— Ну... Ну, не от властей разрешение, а от «братвы». Зоны поиска ценностей поделены на квадраты. Эти квадраты распределены между организованными преступными группировками и...

— И бригады денно и ночно выставляют на болотах посты из отморожков, — перебил главред, — чтобы «черные копатели» не утащили у них из-под носа ржавый пулемет, башню танка или сундуки с золотом третьего Рейха?... Знаешь, Вадик... Вот есть поговорка, что, мол, лень родилась раньше какого-либо человека. Раньше тебя, Вадик, родилась не лень, а ложь. В общем, так. Либо завтра сдаешь хорошую байку, либо будем говорить по-другому. Пусть не «бомба», пусть нормальный читабельный, как сейчас говорят, материал. Завтра, Вадик.

— Материал уже есть, Александр Сергеевич. Не взрывной и скандальный, правда. Он трогательный. Можно даже сказать, исполненный трагизмом нашей жизни. Осталось, как вы говорите, поместить ядро в оболочку.

— Помещай, Вадик. А то я помещу тебя в список неблагонадежных. В такой же черный, как твои копатели с разрешениями...

Порицания показались Вадику не слишком злыми. После очередных ста грамм Вадик счел их за отеческие. Монитор ожил полупорнографической заставкой. Из колонок рвался в мир Билли Айдол. На белом полотне появился заголовок: «А старики уходят и уходят...» Из угла губ то и дело вываливалась сигарета. Вадик подобно гению фортепиано стучал по клавишам. Так же откидывал назад голову, когда организм просил очередной порции зелья. Три часа уложились в статью на целую полосу.

Закончив гнать строку, Вадик принялся ретушировать фото. Несколько раз посмотрев на снимок, репортер пришел к выводу, что есть на нем детали лишние, отвлекающие. Из кадра исчезло левое крыло «Мерседеса», мусорный ящик и беременная кошка Фрэнк. По мнению Вадика, читателя должен был зацепить эффект безвременья. Но эффекта не получилось. На страдающем юноше были кроссовки и бейсболка. А юноша был одним из несущих элементов экспозиции. Его убирать было ни в коем случае нельзя.

Отослав письмо Сергеичу, Вадик потянулся. Выпив еще рюмку, улыбнувшись, прилег на диван...

Разбудили Вадима ноты «Валькирии». Эта мелодия была закреплена за звонком главреда. Голос шефа был грустным. Можно сказать, скорбным.

— Ну еще раз здравствуй, Вадим... Получил твой материал. Прочел и в очередной раз понял, насколько ты небесталанен. Только, Бога ради, не обольщайся, прими эту похвалу достойно, — Сергеич взял паузу. — Старушка, выходит, на твоих глазах прямо и преставилась?

— Почти, Александр Сергеевич. Иду, вижу, ее внучек голосит на всю улицу. Знаете, у самого защемило все внутри. Как будто лезвием по груди кромсали. Ну, я тут же по мобильному неотложку вызвал. А о материале и не помышлял даже. Знаете, подумал поначалу, что, мол, долг журналиста дело хорошее... Но до определенных границ. Человек ушел в мир иной, а я буду, как папарацци, нащелкивать эту трагичную картину?... А потом — как осенило, Александр Сергеевич! Будто луч какой снизошел! Ведь ушел человек, ушла жизнь... И, возможно, жизнь, о которой написать именно долг журналиста, — Вадим уже верил себе.

— В этом ты прав... Послушай, а откуда ты биографию Марты Францевны Изотовой, в девичестве Рейншталер, узнал?

— Там же сноска есть в конце материала. С благодарностью родственникам Марты Францевны за помощь в подготовке материала.

— Ах, да... вижу... — Вадиму показалось, что в трубке что-то булькнуло и главный сильно выдохнул. — Знаешь, что я еще, Вадим, думаю. Не больно ли фото реалистичное? Добрый, можно сказать, пропитанный любовью и скорбью рассказ и фото покойницы. Вроде как не раздел криминала. Ты как сам считаешь?

— Думаю, что как раз это фото материал и несет.

— А мы знаем, что сделаем? Мы сделаем побольше фотографии, где она в детские годы. Вот где на стульчике стоит, например. Ее увеличим. И где в профиль на набережной, тоже побольше поставим, —